

Нет автора

**Отчет о тридцать четвертом присуждении
наград графа Уварова**

**Приложение к 71 тому Записок Имп. Академии
наук №1**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о тридцать четвертом присуждении наград графа Уварова: Приложение к 71 тому Записок Имп. Академии наук №1 /
Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 145 с.

ISBN 978-5-458-00267-7

ISBN 978-5-458-00267-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25 сентября 1892 года Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи А. А.

Штраухомъ.

Въ соисканіи наградъ гр. Уварова въ настоящемъ году участвовало 11 сочиненій, въ числѣ которыхъ было одно, отложенное отъ предыдущаго конкурса.

Для ихъ разсмотрѣнія и постановленія о нихъ приговора была назначена Академіею, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, комиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. академикомъ: А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, В. Гр. Васильевскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, Л. Н. Майкова, А. А. Куника и Н. Ѳ. Дубровина.

Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, комиссія, для ближайшаго разсмотрѣнія каждаго изъ нихъ, избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить рецензіи на конкурсныя произведенія къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока комиссія признала необходимымъ 2 сочиненія отложить до слѣдующаго конкурса, за неполученіемъ отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя ихъ разсмотрѣніе, и затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ соискательныхъ трудовъ, положила одному присудить *полную*, а двумъ сочиненіямъ *неполная* награды.

Увѣнчанное *большою* наградою сочиненіе принадлежитъ члену-корреспонденту Академіи А. Н. Пыпину и озаглавлено: *Исторія русской этнографіи*. 4 т. Спб. 1890—91.

Разсмотрѣніе этого сочиненія комиссія поручала академику К. Н. Бестужеву-Рюмину.

Этнографія, по справедливому замѣчанію академика К. Н. Бестужева-Рюмина, принадлежитъ къ числу такихъ отраслей знанія, которыя развились преимущественно въ XIX в. Въ прежнія времена встрѣчаются, правда, болѣе или менѣе точно собранныя свѣдѣнія о народахъ, главнымъ образомъ въ трудахъ путешественниковъ, посѣщавшихъ отдаленныя страны, встрѣчается сознание о научной и преимущественно практической пользѣ этихъ свѣдѣній, встрѣчается иногда опытъ примѣненія ихъ къ исторіи или къ теоріи права, но научная обработка этого знанія и требованіе строго научнаго метода, при самомъ собираніи данныхъ, является дѣломъ XIX в.

Вліяніе возрастающаго чувства національности, выразившагося въ романтизмѣ, вниманіе къ интересамъ массъ и т. д. усиливало, по замѣчанію ученаго рецензента, и интересъ этнографической, а общее научное движеніе текущаго вѣка придало ему научную форму. Въ XIX в. этнографія вступаетъ въ тѣсную связь съ другими отраслями знанія — съ *лингвистикою*, указывающей связь развитія языка съ развитіемъ народныхъ вѣрованій и обычаевъ, — съ *археологіею*, изучающею въ вещественныхъ памятникахъ древніе обычаи и вѣрованія, слѣдъ которыхъ нерѣдко сохраняется въ современности; — съ *исторіею*, которая все болѣе и болѣе стремится обратиться въ изображеніе народной жизни въ ея вѣковыхъ измѣненіяхъ съ создающеюся теоріею развитія общества (*соціологіею*); являются попытки основать эту послѣднюю исключительно на этнографіи; наконецъ этнографія тѣсно сплавивается съ *антропологіею* — естественной исторіею человѣка.

Это взаимодѣйствіе разныхъ отраслей знанія вноситъ въ каждую изъ нихъ свѣжую струю и усиливаетъ требованіе научности въ каждой изъ нихъ. Съ своей стороны и этнографія, изучая народы въ ихъ настоящемъ состояніи, даетъ матеріалъ для всѣхъ этихъ наукъ и безъ ея помощи не могутъ существовать ни лингвистика, ни антропологія, ни соціологія, ни наконецъ исторія, коль скоро пониманіе народнаго духа въ его развитіи во времени становится главною ея цѣлью. Не менѣе важно значеніе этнографіи и для практической жизни такъ какъ укореняется и распространяется

сознаніе того, что первая обязанность администраціи считается съ бытовыми свойствами данной націи и что, ведя народъ впередъ, она должна опираться на существующее. Собираніе свѣдѣній объ обычномъ правѣ является яркимъ результатомъ этого сознанія. Такимъ образомъ сознаніе, что новое лишь тогда прочно, когда оно не противорѣчитъ народному духу, обращается уже въ общее мѣсто. Вотъ почему, по компетентному мнѣнію академика К. Н. Бестужева-Рюмина, широкое распространеніе того, что добыто этнографіею, обобщеніе ея результатовъ составляетъ насущную потребность современной науки и общественной жизни.

Въ этомъ сознаніи А. Н. Пыпинъ и предпринялъ обширный трудъ обозрѣть историческое развитіе русской этнографіи, причемъ само собою должны были обозначиться какъ результаты сдѣланнаго, такъ и задачи для будущихъ дѣятелей. Г. Пыпинъ пишетъ давно и его литературная фizioномія уже вполне выяснилась. Извѣстно, что, въ предшествовавшихъ своихъ главныхъ трудахъ, А. Н. Пыпинъ преслѣдовалъ задачу, вполне отвѣчающую современнымъ требованіямъ—изложить развитіе науки и литературы въ связи съ состояніемъ общества; этой же темѣ посвященъ и новый трудъ его.

Изслѣдованіе свое авторъ располагаетъ по отдѣльнымъ отраслямъ русской народности.

Не имѣя возможности слѣдовать за рецензентомъ шагъ за шагомъ въ его любопытномъ изложеніи взглядовъ г. Пыпина, мы ограничимся здѣсь лишь краткимъ обозрѣніемъ части этого труда чтобы ознакомить васъ, М. Г., хотя бы поверхностно съ тѣми интересными и разнообразными темами, которымъ посвященъ изобилующій ученостью трудъ почтеннаго автора.

Два первые тома посвящены обзору изученія народности въ Россіи; г. Пыпинъ начинаетъ съ введенія, гдѣ устанавливается общій взглядъ на значеніе научнаго просвѣщенія, привнесеннаго въ началѣ XVIII в. на развитіе народнаго самосознанія. Свое изложеніе г. Пыпинъ заключаетъ словами: «Матеріалъ этнографіи — народно-поэтическія воззрѣнія и обрядовой бытъ. Изученіе ея—путь къ опредѣленію народности. Обзоръ ея исторіи есть вѣстѣ обзоръ успѣховъ народнаго самосознанія», — такимъ образомъ европейская наука является орудіемъ для изученія народности, а изученіе это служитъ средствомъ для правильной постановки вопросовъ общественныхъ.

За введеніемъ слѣдуетъ общее обозрѣніе развитія этнографическихкихъ изученій съ начала XVIII в. Здѣсь авторъ останавливается

преимущественно на изученіи великорусской народности, — результатомъ всѣхъ изученій является сближеніе общества съ интересами народа. Слѣдующая глава озаглавлена «Наука и народность». Выходя изъ того положенія, что отношеніе науки къ жизни было рационалистическое и утилитарное, авторъ слѣдитъ за тѣмъ и другимъ и преимущественно за рационалистическимъ, а представителей этого послѣдняго видитъ, между прочимъ, въ Татищевѣ и Болтинѣ; въ трудахъ ихъ г. Пыпинъ тщательно отмѣчаетъ вліяніе европейской науки. Далѣе очерчиваются кн. Щербатовъ и Миллеръ, характеризуется дѣятельность академическихъ и столичныхъ ученыхъ.

Слѣдующая глава, послѣдняя посвященная XVIII в., представляетъ развитіе литературнаго языка трудами Ломоносова, Тредьяковскаго, пр. Алексѣева и тогдашнихъ ученыхъ учреждений. Глава эта, по отзыву акад. Бестужева-Рюмина, принадлежитъ къ интереснѣйшимъ страницамъ книги, ибо здѣсь собраны и провѣрены наблюденія, уже сдѣланныя, и представлены самостоятельныя соображенія автора объ интересуемомъ его предметѣ. Глава эта заканчивается общимъ выводомъ о вліяніи науки на русское общество XVIII в.

Времени Александра I авторъ отдѣляетъ одну главу, гдѣ прежде всего останавливается на Карамзинѣ и освѣщаетъ его дѣятельность сравненіемъ съ Радищевымъ; въ послѣднемъ авторъ видитъ представителя здоровыхъ взглядовъ на народъ. Осуждая воззрѣнія Карамзина, и общественныя и историческія, г. Пыпинъ признаетъ за нимъ нравственное чувство и талантъ и ставитъ Карамзина, какъ историка, выше кн. Щербатова. Отъ Карамзина авторъ переходитъ къ романтизму Жуковскаго и вѣрно указываетъ на то, что народный элементъ, хотя и признаваемый этимъ писателемъ до нѣкоторой степени, измѣняется у него подъ вліяніемъ романтическихъ взглядовъ. Конецъ главы посвященъ обзору дѣятельности историковъ и археологовъ, преимущественно составлявшихъ кружокъ гр. Румянцева; изъ нихъ авторъ съ особенною подробностью останавливается на Калайдовичѣ.

Въ послѣдующихъ главахъ разсматривается дѣятельность цѣлаго ряда писателей (Надеждина, Сахарова, Снегирева, Пассека, Дала и т. д.). По мнѣнію акад. Бестужева-Рюмина, авторъ здѣсь едва ли не слишкомъ обширно для своей темы останавливается на критической дѣятельности Надеждина.

Послѣдняя глава I тома называется «Этнографическій элементъ

въ литературѣ отъ Пушкина до 50-хъ годовъ». Взглядъ автора выражается слѣдующимъ образомъ: «Народная стихія явилась у Пушкина, какъ инстинктъ, какъ художественное средство для утвержденія національнаго характера русской поэзіи, и въ общественномъ пониманіи окрашивалась сословнымъ консерватизмомъ; затѣмъ у Гоголя укрѣпляется она въ могущественномъ реализмѣ, а у преемниковъ его выражается въ любовномъ изображеніи свѣтлыхъ сторонъ народнаго характера и въ протестѣ противъ народнаго угнетенія: для этихъ изображеній поэзія была уже вооружена знаніемъ народнаго быта и языка».

Первая глава II тома посвящена характеристикѣ 40-хъ годовъ;— здѣсь авторъ останавливается на дѣятельности отечественныхъ ученыхъ, возвратившихся въ ту пору изъ за границы, — на вліяніи европейской школы, исторической и филологической, при чемъ въ частности разсматривается дѣятельность Соловьева, Кавелина, Калачова, Забѣлина, Буслаева и Аванасьева; въ концѣ главы г. Пыпинъ касается общаго настроенія эпохи и того, какъ готовилось общественное мнѣніе къ освобожденію крестьянъ. Вслѣдъ за сороковыми годами авторъ характеризуетъ пятидесятыя, дѣятельность Бодянского, Рыбникова, Якушкина, Шейна и Максимова, а расширение этнографическихъ изслѣдованій приписываетъ начавшемуся періоду реформъ.

Третья глава посвящена дѣятельности высокодаровитаго Ф. И. Буслаева, къ которой авторъ относится вполне сочувственно, хотя и разсматриваетъ эту дѣятельность съ точки зрѣнія господствующей школы и, по преимуществу, останавливается на отношеніяхъ Буслаева къ Гримму.

Въ слѣдующей IV главѣ оцѣнивается дѣятельность А. Н. Аванасьева; по мнѣнію нашего почтеннаго товарища, съ дѣлаемою здѣсь авторомъ оцѣнкою нельзя не согласиться, ибо дѣятельность Аванасьева представляетъ теперь интересъ развѣ только историческій, и даже собраннымъ имъ матеріаломъ можно пользоваться, провѣряя его критически. Надписаніе пятой главы «Новая ступень этнографическихъ изысканій» даетъ общее опредѣленіе ея содержанія. Въ частности авторъ въ этой главѣ характеризуетъ усиленіе историко-литературныхъ изысканій въ концѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ, и затѣмъ изображаетъ дѣятельность акад. Тихонравова, Котляревскаго, недавно умершаго члена-корреспондента нашей Академіи проф. Потебни, В. В. Стасова и П. А. Лавровскаго.

Глава VI трактуетъ о новой исторической литературѣ по отно-

шенію къ изученіямъ народности и заключаетъ въ себѣ общій, довольно полный обзоръ вопросовъ, занимавшихъ въ послѣдніе годы русскую историческую науку, каковы напр. первоначальный бытъ русскаго племени, происхожденіе русскаго государства, характеръ московскаго періода, значеніе реформъ Петра Великаго и т. д.

Глава VII посвящена спеціально дѣятельности К. С. Аксакова, глава VIII—новымъ изслѣдованіямъ и спорнымъ вопросамъ о русскомъ народномъ эпосѣ, глава IX — трудамъ академиковъ А. Н. Веселовскаго и И. В. Ягича.

Глава X посвящена общему обзору изученій народной жизни за послѣднее десятилѣтіе и рассматриваетъ труды по различнымъ отраслямъ исторіографіи, а равно дѣятельность ученыхъ обществъ и отдѣльныхъ ученыхъ.

Глава XI касается изображенія народа въ литературѣ, при чемъ авторъ показываетъ, что если литература до-реформенная отличалась больше художественностью, то литература позднѣйшаго времени болѣе реальна.

Наконецъ, послѣдняя XII глава II тома касается такъ называемаго *народничества*, при чемъ очерчиваются писатели, изображавшіе народный бытъ: Мельниковъ, Кохановская, Дѣсковъ, Гл. Успенскій, Златовратскій и т. д.

На этомъ мы, чтобы не утомлять вашего, М. Г., вниманія, здѣсь и остановимся въ нашемъ перечнѣ любопытныхъ и разнообразныхъ матерій, которыя разработаны у г. Пыпина и ограничимся замѣчаніемъ, что столь же всеобъемлюще исчерпываются авторомъ въ III и IV томахъ его капитальнаго изслѣдованія этнографія малорусская, бѣлорусская и сибирская.

Свое общее заключеніе авторъ заканчиваетъ слѣдующими, заслуживающими полного сочувствія словами: «Въ трудахъ по этнографіи въ особенности обнаруживается то великое нравственное значеніе, какое всегда въ послѣднемъ результатѣ принадлежитъ наукѣ. Мы вѣримъ, что съ дальнѣйшими успѣхами народовѣдѣнія будетъ возрастать наше нравственно-общественное и національное, сознаніе, въ которомъ и заключено истинно-народное дѣло».

Усматриваемые рецензентомъ въ сочиненіи г. Пыпина недостатки, по его отзыву, значительно перевѣшиваются достоинствами и сводятся къ нижеслѣдующему:

1) Исключенію изъ области изслѣдованія какъ этнографіи средней Азіи, такъ и Кавказа; составляетъ это тѣмъ болѣе замѣтный пробѣлъ, что библиографическій матеріалъ для Кавказа въ частности

имѣется и въ «Библиографіи» Міансарова, и въ трудѣ нашего товарища Н. Ѳ. Дубровина.

2) Раздѣленію предмета по отдѣламъ русскаго племени, отчего происходятъ повторенія и является затруднительнымъ охватить въ полной мѣрѣ развитіе русской этнографіи.

3) Неравномѣрности въ изложеніи и предоставленіи слишкомъ широкаго мѣста невидному въ ущербъ болѣе крупнымъ явленіямъ; и 4) Отведенію слишкомъ большаго простора полемикѣ.

Тщательное и подробное разсмотрѣніе обширнаго труда А. Н. Пыпина, «который долженъ сдѣлаться настольною книгою для всѣхъ интересующихся русской исторіею и этнографіею», приводитъ академика К. Н. Бестужева-Рюмина къ заключенію, что этотъ трудъ вполне заслуживаетъ увѣнчанія большою Уваровскою наградю, такъ какъ авторъ очень удачно овладѣлъ обширнымъ и новымъ матеріаломъ, проявилъ большую начитанность, далъ массу вѣрныхъ характеристикъ и представилъ много поучительныхъ указаній для занимающихся.

Матр Уваровскія преміи присуждены нижеслѣдующимъ сочиненіямъ:

А) Е. С. Шумигорскій, *Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828)*, т. I.

Разсмотрѣніе сочиненія этого комиссія поручала академику Н. Ѳ. Дубровину.

Сочиненіе, представленное г. Шумигорскимъ на соисканіе Уваровской преміи, составляетъ 1-й томъ его обширнаго труда и по мнѣнію нашего почтеннаго товарища, этотъ трудъ не маловаженъ для пониманія внутренней и лишь отчасти для политической жизни Россіи. До настоящаго времени въ русской исторической литературѣ, за исключеніемъ труда члена-корреспондента Академіи Д. Ѳ. Кобеко: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», имѣлись лишь отрывочныя свѣдѣнія о томъ періодѣ жизни и дѣятельности императрицы Маріи Ѳеодоровны, котораго касается г. Шумигорскій въ своемъ изслѣдованіи. Свѣдѣнія эти не были сведены въ одно цѣлое и не были дополнены ни иностранными источниками, ни доселѣ неизданными документами, какіе хранятся въ нашихъ правительственныхъ архивахъ и частныхъ собраніяхъ.

Трудъ г. Шумигорскаго состоитъ изъ XII главъ, обнимающихъ жизнь императрицы Маріи Ѳедоровны со дня ея рожденія по кончину императрицы Екатерины II.

Говоря о происхожденіи будущей русской императрицы, ея рожденія и юности, авторъ посвящаетъ всю первую главу своего изслѣдованія описанію жизни и быта разныхъ мелкихъ германскихъ правителей XVIII вѣка. При этомъ нельзя не замѣтить, что авторъ, прибѣгаетъ не рѣдко къ разсказу, не опирающемуся на факты и, руководствуясь лишь однимъ наведеніемъ или предположеніями, — впадаетъ въ методъ, не безопасный для историка, такъ какъ здѣсь возможны заблужденія, ошибки, ложныя заключенія, что конечно подрываетъ довѣріе читателя къ выводамъ автора. Самъ г. Шумигорскій сознается въ скудости источниковъ, относящихся до раннихъ лѣтъ Маріи Ѳедоровны, но это однако же не помѣшало ему охарактеризовать родителей будущей императрицы, семейную обстановку, условія жизни и первоначальное воспитаніе молодой принцессы. И надо отдать справедливость г. Шумигорскому, все это имъ изложено, по признанію рецензента, съ большими подробностью и умѣніемъ въ группированіи фактовъ, и такимъ образомъ характеристика Маріи Ѳедоровны, за этотъ періодъ ея жизни, явилась весьма типичною и вполне законченною. Не менѣе удачны: характеристика Маріи Ѳедоровны, какъ великой княгини (глава IV), оцѣнка личности Павла Петровича, отношеніе велико-княжеской четы къ императрицѣ Екатеринѣ II и къ своимъ германскимъ родственникамъ. О воспитаніи дѣтей велико-княжеской четы въ биографіи Маріи Ѳедоровны (глава V) свѣдѣній почти не встрѣчается. Правда, что воспитаніе первыхъ двухъ сыновей, Александра и Константина, не принадлежало родителямъ, но воспитаніе дочерей предоставлено было полной ихъ волѣ. Говоря о воспитаніи двухъ старшихъ сыновей и видя въ Александрѣ будущаго наследника русскаго престола, г. Шумигорскій естественно увлекается преимущественно его воспитаніемъ, а о Константинѣ говоритъ сравнительно мало и какъ бы вскользь. Объяснять это недостаткомъ матеріала нѣтъ причины, потому что сохранились донесенія о ходѣ занятій Константина Павловича и учебныя его тетради.

Описаніе путешествія велико-княжеской четы по Европѣ въ 1781 и 1782 г.г. составляетъ одну изъ наиболѣе обширныхъ главъ (гл. VI) сочиненія и вноситъ нѣсколько новыхъ данныхъ, заимствованныхъ авторомъ изъ неизданныхъ писемъ Маріи Ѳедоровны, хранящихся въ архивахъ. При этомъ авторъ не столько касается

внѣшнихъ подробностей путешествія, сколько того вліянія, какое новыя лица и обстановка оказывали на высокихъ путешественниковъ; г. Шумигорскій ясно показываетъ, что именно изъ заграничной поѣздки Павелъ Петровичъ вывезъ поклоненіе Фридриху, увлеченіе прусскими порядками и прусскою муштровкою войскъ; что онъ, не раздѣляя политики своей матери, завелъ во вредъ Россіи тайныя сношенія съ Берлиномъ, и наконецъ «не усумнился даже играть роль развѣдчика при дворѣ своей матери, сообщая королю интересныя для него политическія свѣдѣнія».

Въ дальнѣйшихъ главахъ своего труда, основываясь на неизданныхъ до сихъ поръ документахъ, авторъ сопоставляетъ не мало новыхъ данныхъ о семейной и загородной жизни наследника русскаго престола и его супруги. Эта часть изслѣдованія вноситъ въ исторію императора Павла совершенно новыя свѣдѣнія и подробно знакомитъ съ устройствомъ Павловска и Гатчины, съ занятіями Павла Петровича и Маріи Федоровны, какъ помѣщика и помѣщицы, и съ домашнимъ кружкомъ, среди котораго они проводили время и интересами котораго жили.

Подробное разсмотрѣніе вышеозначеннаго труда приводитъ рецензента къ заключенію, что г. Шумигорскій работалъ преимущественно по первоисточникамъ, а потому имѣлъ возможность сообщить не мало цѣнныхъ историческихъ фактовъ, впервые являющихся въ печати. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчается неудачный подборъ источниковъ, а равно допускаются гадательныя обобщенія и выводы по наведенію, то въ общемъ авторъ, вполнѣ овладѣвъ собраннымъ матеріаломъ, даетъ довольно полную и вѣрную картину жизни императрицы Маріи Федоровны и характеристику лицъ, ее окружавшихъ въ этотъ періодъ времени. Имѣя въ виду, что достоинства труда значительно превышаютъ недосмотры, всегда неизбѣжныя въ подобномъ обширномъ изслѣдованіи, академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ просилъ Академію Наукъ удостоить сочиненіе Шумигорскаго преміи графа Уварова.

Б) С. М. Середонинъ. *Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ.*

Въ виду спеціальнаго характера этого сочиненія, Академія обращалась съ просьбою о составленіи рецензіи къ проф. С.-Петербургскаго университета Платонову, который составленнымъ имъ подробнымъ отзывомъ оказалъ комиссіи существенное содѣйствіе въ дѣлѣ оцѣнки труда г. Середонина.

Самъ авторъ при объясненіи того, какимъ образомъ онъ пришелъ къ разработкѣ этой темы, замѣчаетъ, что «вторая половина XVI вѣка — одна изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ эпохъ въ русской исторіи» и что изученіе ея затруднено недостаткомъ данныхъ. «Едва ли можно рассчитывать», говоритъ г. Середонинъ, «на появленіе въ ближайшемъ будущемъ новыхъ документовъ по этой эпохѣ—содержанія, доселѣ не извѣстнаго; поэтому дальнѣйшее изученіе ея мнѣ представляется возможнымъ или въ подробной переработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, хотя-бы кажущихся мелкими на первый взглядъ, или въ критической разработкѣ главныхъ источниковъ, въ тщательной провѣркѣ извѣстій, которыми пользовались многіе. Я избралъ этотъ послѣдній путь; мнѣ казалось, что разборомъ источника, очень богатаго по содержанію своему, очень хорошо извѣстнаго въ научной литературѣ, я и самъ ближе подойду къ рѣшенію наиболѣе важныхъ вопросовъ интересовавшаго меня времени и, быть можетъ, окажу посильную помощь другимъ, кто долженъ будетъ обратиться къ сочиненію Флетчера». Всѣ эти соображенія г. Середонина, въ общемъ, правильны. Въ самомъ дѣлѣ, пока не явится увѣренности, что въ бібліотекахъ и архивахъ таятся невѣдомыя еще данныя по исторіи московскаго внутренняго быта XVI вѣка — Флетчеръ будетъ считаться въ этомъ отношеніи однимъ изъ главныхъ источниковъ, критическая обработка котораго можетъ ввести изслѣдователя въ разумнѣе эпохи и дать результаты не только историографическаго, но и собственно историческаго характера. Удачный выборъ источника оправдываетъ избранный изслѣдователемъ путь изученія эпохи и дозволяетъ автору заключить въ форму историко-критическаго этюда рядъ цѣнныхъ историческихъ разысканій. Служа для самого автора удобнымъ средствомъ ознакомленія съ извѣстнымъ періодомъ нашей исторіи, его изслѣдованіе, по отзыву пр. Платонова, обогащаетъ науку пересмотромъ темныхъ вопросовъ этого періода и попытками новаго ихъ рѣшенія. Такимъ образомъ сдѣланный г. Середонинымъ выборъ темы оказывается основательнымъ и соответствующимъ тому состоянію, въ какомъ находится изученіе московской жизни XVI вѣка.

Эти предварительныя замѣчанія о свойствахъ темы г. Середонина сдѣланы здѣсь съ тою цѣлью, чтобы показать, въ какое невыгодное положеніе поставилъ себя авторъ, посвятивъ свои силы и способности на изученіе не прямо фактовъ, а источниковъ эпохи. Нѣтъ нужды доказывать, замѣчаетъ ученый рецензентъ,